

сказочных мотивов, известных в эпосе многих народов, до некоторой степени способствовало проявлению интереса к переводным патериковым легендам в XI—XIII вв. и к таким сборникам чудес, как «Звезда пресветлая» или «Грешных спасение» в XVII столетии. Но несомненно также, что в «Александрии» русских читателей привлекали не только батальные сцены, но и самый образ ее героя, не похожий на персонажей русских произведений, и рассказы о «чудовищах и дивовищах» в дальних странах. Не случайно именно эти сказочные эпизоды щедро иллюстрированы в сохранившихся лицевых русских рукописях.

Может быть прослежена преемственность между некоторыми сюжетами переводной литературы и русским народным творчеством. Устные легенды о великом грешнике (позднее обработанные Некрасовым), некоторые бытовые и волшеббно-героические сказки в записях XIX—XX вв. (о «женских увертках», о невинногонимой падчерице, о Бове и т. п.) восходят к произведениям нашей старинной переводной литературы непосредственно или — еще чаще — через посредство многочисленных лубочных изданий XVIII—XX вв.

Роль лубочной литературы как связующего звена между старинной переводной литературой и устным эпосом до сих пор мало изучена. Между тем многие устные сказки на сюжеты старинных повестей и романов в записях XIX—XX вв. являются лишь устными пересказами обработок этих произведений различными лубочными писателями XIX в. (Исаев, Ивин-Кассиров и др.). Поскольку поздняя лубочная литература (1860-е годы—1918 г.) не имеет даже сводки, подобной «Русским народным картинкам» Д. А. Ровинского, следовало бы начать монографическое сравнительное изучение судеб отдельных переводных произведений в лубочной литературе и устной народной поэзии (сатирические бытовые сюжеты, повести о царице и львице, о Францеле Венециане и т. п.).

Наконец, следует привлечь внимание исследователей к изучению непосредственных преемственных связей между переводной литературой XI—XVII вв. с русской литературой XVIII в. (авантюрные повести XVIII в. и традиции переводного романа XVII в., инсценировка переводных рыцарских романов, житий, фацетий в рукописной русской драматургии XVIII в. и др.).

Вопрос о творческом освоении чужеземных образцов наглядно может быть разрешен на материале ранней русской драматургии конца XVII—начала XVIII столетия. Изучение рукописных собраний позволило советским исследователям значительно расширить круг произведений, которые были известны Н. С. Тихонравову в 1860—1870-х годах, при создании двухтомника «Русская драматургия 1672—1725 годов». Не говоря о большом количестве интермедий, достаточно назвать одно «Артаксерксово действо», считавшееся утраченным и ныне известное в двух списках с параллельным немецким текстом. Большой интерес представляет также сценическая история пьес об Эсфири, о царице и львице, сохранивших популярность в XVIII в., но восходящих к инсценировкам или переводным романам XVII столетия. Специального рассмотрения заслуживает вопрос о польско-украино-русских связях в области ранней рукописной бытовой драматургии (интермедии, монологи и диалоги, сцены и комедии).

Особое место в исследованиях советских историков литературы должен занять вопрос об обработке сюжетов переводной агиографии и апокрифов писателями нового времени («Житие Филарета» Радищева, «Житие Феодоры» Герцена, проложные легенды в изложении Лескова и Л. Толстого, повесть о гордом царе у Гаршина, библейские и апокрифические легенды о царе Соломоне как источник повести Куприна «Суламифь» и др.).